

ПОНИМАНИЕ СВОЕГО «Я» В ОБЩЕНИИ С ДРУГИМИ*

Н. Л. Новикова

Действительность не есть нечто прочное и инвариантное; ее самодостаточности противостоит текущий саморазвивающийся процесс, заключающийся в сознании субъекта. Человек не сторонний наблюдатель происходящего – он непосредственно включен в существующую действительность, поэтому одновременно изменяет как действительность, так и себя. Поскольку становление новой цивилизации затрагивает изменения самого человека, его мировоззрения, системы ценностей, одним из наиболее значимых последствий современных социальных процессов (глобализация, информатизация, визуализация, виртуализация) является актуализация проблемы сохранения людьми своей идентичности. Находясь в культурном пространстве, согласно В. С. Степину, человек аккумулирует его в своем внутреннем мире, при этом идентичность выступает как способ и механизм «структуриации» и «дешифровки бытия» универсалий культуры и «транслятор» знаний в культуру и социальную практику.

В современной культуре особую ценность приобретает идея постоянного изменения действительности, поэтому предпочтение отдается не общим принципам, не застывшему и отвлеченному знанию, а конкретному опыту. Силой своего воображения индивид конструирует свою жизнь, создавая свой контекст мира, который зависит от других контекстов. Уникальный путь к себе, открывающийся человеку через «другого» (диалог), исходное осмысление «я» происходит в повседневности, выступающей базисной реальностью, пространством решения жизненных задач.

Ключевые слова: культурное пространство, повседневная культура, человек, идентичность, кризис идентичности, диалог, диалог смыслов, самоидентификация.

PERSON'S SENSE OF "SELF" IN HIS RELATIONS TO OTHERS

N. L. Novikova

Our reality is not something solid and invariant; a fluid self-developing process opening in human consciousness resists its self-sufficiency. A human being is not an observer of what is happening – he is a part of the whole, so he is directly involved in the present reality. He experiences his thoughts and feelings, changing at the same time the reality and himself. Since the establishment of the new civilization affects a human being, his world perception, a personal value system, one of the most significant consequences of contemporary social processes (globalization, informatization, visualization and virtualization) is the actualization of the problem of preservation of individual identity. Located in the cultural space, a person accumulates it in his inner world, the identity herewith is a method and mechanism of “structuration” and “decryption of existence” of cultural universals and the “translator” of knowledge in the culture and social practices (V. S. Stepin).

The idea of constantly changing reality becomes particularly valuable in the contemporary culture, thus preference is given not to the general principles, stagnation and abstract knowledge, but to concrete experiences. Using the power of his imagination an individual constructs his life, creating the context of his world, which depends on other contexts. A unique way of finding you self through the dialogue between “self” and other takes place in everyday life, serving the basic reality, the cultural communicative space.

Keywords: cultural space, everyday culture, person, identity, identity crisis, dialogue, dialogue of meanings, self-identification.

* Статья выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 14-03-00099а

В начале XXI в., когда стала актуальной проблема кризиса культуры как всеобъемлющего явления, вновь произошел отказ от существовавшей долгое время формы культуры, начала нарастать потребность в реконструировании связи человека с Целым. Одна из трактовок причин культурного кризиса принадлежит Н. Я. Данилевскому и О. Шпенглеру, подчеркнувшим уникальность, самоотчужденность и замкнутость культурных типов, содержание, форма и стиль которых не могут быть переданы по наследству другому, поскольку каждая культура вырабатывает и реализовывает их самостоятельно.

Развивая эту точку зрения, современный философ В. Н. Порус рассуждает о смене устаревающих культурных форм другими, более актуальными. Не отрицая динамичности культуры, ученый отмечает, что ее изменения направлены на восстановление всеобщности, утрачиваемой в результате влияния конкретной жизненной действительности — до тех пор, «пока на это хватает “духовных сил”», то есть пока речь вообще идет о культуре [13, с. 411, 414].

Таким образом, формулы новой культуры, абсурдные с точки зрения старой, функционируют, сообщения новой культуры понимаются и принимаются. Находясь в культурном пространстве, человек аккумулирует его в своем внутреннем мире. Процесс восприятия смыслообраза включает в себя «потребление» пространства, поскольку именно оно является основой мировоззрения. Из этого утверждения следует одно из основных противоречий современной цивилизации — между постоянно увеличивающимся числом воображаемых пространств как порождением мировых телекоммуникационных систем (виртуальные реальности) и катастрофическим уменьшением эмпирического жизненного пространства индивида (вследствие миграции, демографического взрыва, урбанизации и т. д.). Именно поэтому, как справедливо отмечает современный французский социолог

М. Оже, «весь смысл модернизации сводится к тенденции оторвать человека от того культурного единства, в котором его жизнь черпала смысл в становлении и через него» [12, с. 139].

Человек, полагает Б. Марков, стал стремительно «закатываться за горизонт и взамен его возшло нечто новое, что уже и светилом назвать нельзя, ибо это нечто аморфное, незаметное и всепроникающее как сама повседневность». Именно в этом исследователе видят причину кризиса ориентирования и как общее следствие <...> — кризиса культуры» [7, с. 133]. Человеку просто не на что опереться (деградация религиозных, национальных ценностей), и в новых условиях существования он, с точки зрения философа, начинает «стремительно маргинализироваться». Б. Марков абсолютно прав, утверждая, что нежелание посвятить себя служению чему-то возвышенному делает человека пассивным, заставляет утратить критическую способность разума. К сожалению, заключает К. Ясперс, люди в такой ситуации «смело отказываются от всякого смысла и объявляют смыслом намеренную бессмыслицу» [17, с. 449].

Находясь в состоянии неопределенности, современный человек мысленно пытается найти ответ на вопрос о своем месте в жизни, создавая «всеобъемлющую глобальную ментальную картину мира», которая может служить ему так называемой «системой координат». Без «внутреннего дела души» не обойтись, говорил Н. В. Гоголь. Даже Н. Бонапарт высоко оценивал роль духовной силы человека для любых свершений, отмечая, что она относится к физической как 3 к 1. Добавим, что именно из человеческой сущности проистекает его активность, а активная жизнь, по мнению Б. Спинозы, означает «быть», то есть является тождественной самореализации.

Человек как социальный субъект во взаимоотношениях с окружающим миром придает последнему соотносимую с собственными потребностями организованность, структурирует про-

странственно. Это явление представляет собой интерсубъективный мир культуры. Он возможен, поскольку каждый человек, живя среди других людей в одном пространственно-временном поле, создает и накладывает на мир фактов и процессов свой смысловой и ценностно-символический порядок. Используя термин *интерсубъективный* для описания аспектов взаимной связи людей в жизненном мире (Э. Гуссерль), или в мире повседневной жизни, А. Шютц указывает на характерное для человека переживание мира как общего для него и других: «Мы не могли бы быть личностями не только для других, но даже и для самих себя, если бы не обнаруживали общей для нас и других людей среды, выступающей в качестве коррелята интенциональной взаимосвязи наших сознаваемых жизней. Эта общая сфера формируется путем взаимного понимания, которое в свою очередь основывается на том, что субъекты взаимно мотивируют друг друга в своих духовных проявлениях. Социальность конституируется как результат коммуникативных актов, в которых “я” обращается к “другому”, постигая его как личность, которая обращена к нему самому, причем оба понимают это» [18, с. 28–29].

О необходимости услышать и понять «другого» пишет также Н. И. Воронина, замечая, что «проблематика диалога – это, может быть, самая универсальная и одновременно самая интимная проблематика человеческого бытия» [4, с. 29]. Подтверждение этому мы находим у М. М. Бахтина, считавшего, что «один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим, смыслом: между ними как бы начинается *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов...» [2, с. 354]. Уверены, что феномен диалога смыслов кроется в возможности найти ответы на волнующие наших современников вопросы, поскольку «при такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет

свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [Там же].

Основой подобного диалога может служить творчество конкретной личности, например, Н. П. Огарева, обрастающее «в процессе своей посмертной жизни» «новыми значениями, новыми смыслами» [Там же, с. 350]. «Просвещеннейший человек своего времени, обладающий энциклопедической образованностью», Н. П. Огарев явился «характерной фигурой тех лет», сумев отразить в своей деятельности «передовые художественно-эстетические воззрения, а в музыкальном творчестве – основные тенденции бытовой музыки XIX в.». Творческий процесс этой уникальной личности, пишет Н. И. Воронина, занимающаяся изучением «духовной реальности» Н. П. Огарева, протекал при активном участии не только мысли и чувства, фантазии и эмоций, но, что особенно ценно, «исторической памяти, которая основывается на прошлом культурном опыте» [3, с. 151–152]. Все это еще раз доказывает мысль М. М. Бахтина, что «произведение не может жить в будущих веках, если оно не вобрало в себя как-то прошлых веков».

О том же, по сути, говорит М. Хайдеггер указывая на «взаимопринадлежность поэзии и мысли», чье «схождение» имеет «давнее происхождение», это то «предписание, в которое издревле вписаны судьбы нашего исторического бытия» [15, с. 312]. Любое произведение «*чреват*о смыслами» (не только «историческими», но и «трансисторическими»), рассуждает Р. Барт именно «*уклончивостью*» и «*неухватностью*» смысла он объясняет способность произведения, с одной стороны, «задавать миру вопросы (подвергая сомнению устойчивые смыслы, опирающиеся на верования, идеологию и здравый смысл людей) и при этом не отвечать на них (поскольку ни одно произведение не является догматическим), а с другой стороны, оно бесконечно открыто для новых расшифровок». Через произведение, подчеркивает Р. Барт, завязывается

диалог исторических эпох, в котором необходимо «читать» истину прошлого или истину «другого», а не заниматься «созиданием мыслительного пространства настоящих дней» [1, с. 250–251].

Поскольку тексты Н. П. Огарева (литературные, художественные, музыкальные и др.) «при их философичности, сосредоточенности на осмыслении драматизма бытия очень конкретны, богаты зримыми, подчас неожиданными деталями», это «редкостный материал для постижения российской ментальности, образа жизни, духовности, творчества» [3, с. 5].

Размышляя о новой культуре общения, формирующейся «в глубинной идее диалога», Ю. В. Вострякова настаивает, что «мышление и бытие другого человека не только углублено в каждом из нас, оно – это иное мышление, иное сознание, внутренне насущное для нашего бытия» [15]. Решая задачу индивидуального и «вместе с тем общительного присвоения культурного опыта, человек превращает любые формы своей детерминации в *самодетерминацию*», в которой всегда присутствует «другой». Эта «общительная природа освоения в культуре представленной истории настолько существенна, объясняет А. Ю. Шеманов, что индивид уже внутри себя несет ориентацию на другого. Он внутренне открыт к нему, внутренне общителен, и поэтому обнаруживает и себя самого». Именно «другой», согласно утверждению ученого, «открывает человеку уникальный путь к себе, реализуемый лишь в диалоге» [16, с. 122]. Вот почему, на наш взгляд, важно уметь раскрыть и использовать в повседневной жизни огромные смысловые возможности, заложенные в каждой культурной эпохе.

Одним из направлений бегства от культурных универсалий, по мнению В. Н. Поруса, является поворот в научных кругах к речевой, поведенческой и духовной «повседневности». С легкой руки А. Щютца, констатирует ученый, начали писать *Повседневность* с заглавной буквы, объявив повседневность

высшей реальностью. Комментируя слова А. И. Лучанкина о смысле всех слов (в первую очередь тех, уточняет В. Н. Порус, которые выражают универсалии культуры), отданных на суд индивидуальному сознанию, философ объясняет, что суд этот окончательный, поскольку «над индивидуальностью с ее обыденностью никакой высшей инстанции нет». Отвечая на вопрос А. И. Лучанкина, возможен ли неединенный человек в общественном месте и без маски (для уединенного человека общество везде и всегда является чужим), В. Н. Порус пишет, что «уединенная в своей обыденности “духовность” чужого всем и каждому человека – это уже не гордая в своей возвышенной обреченности духовность бунтаря, это безнадежность иного рода – “сингулярность”, отрицавшая даже возможность надежды на понимание “другого” за рамками пустых, как выведенное яйцо, “событий” повседневности» [13, с. 422]. Однако ученый признает, что не все «разделяют подобные оценки повседневности», и в подтверждение этой мысли приводит точку зрения И. Т. Касавина, согласно которой повседневность образует «безусловные предпосылки и во многом конечную сферу приложения всех остальных форм существования и деятельности людей. Однако и по форме, и по содержанию обыденность отличается от разных, но по сравнению с нею одинаково манящих/пугающих порывов человека к свободе (выбора, творчества, самовоплощения или (и) саморазрушения) <...> [13, с. 424]. Никому не удастся надолго покинуть свою бытийную «родину»-повседневность, но ограничиваясь ее пределами (по собственной или чужой воле), уверен И. Т. Касавин, личность «примитивизируется».

К счастью, по справедливому замечанию В. Н. Поруса, резко отгородить повседневность от культуры невозможно. Он глубоко убежден, что повседневность, взбунтовавшаяся против культурных универсалий, – это «самодовольное и часто свинское *пребывание* либо раз-

рушительное, уничтожающее личность *самоотречение*, растворенное в череде происшествий, столь же бессмысленных, как и их отсутствие» [Там же, с. 426].

Исследуя обыденную жизнь как «человеческий мир» или «один из человеческих миров», которые могут быть нам актуально даны, современный философ Е. В. Золотухина-Аболина констатирует, что повседневность поглощает нас, «проникает в каждое движение, неприметно диктует способы реагирования и действия...» [6, с. 26]. Повседневность – это бодрствующее напряженное внимание к жизни, для которого характерна деятельность по выдвиганию и реализации проектов. Х. Тхагапсоев объясняет, что официальный мир – «мир идентичностей», создаваемых (конструируемых), распознаваемых и интерпретируемых в повседневной жизни в актах коммуникации, интеракции и деятельности людей. Более того, по утверждению ученого, для современного общества стала актуальной активная демонстрация всевозможными малыми группами своих идентичностей [14].

Вставая на защиту повседневности, добавим, что именно она «диктует» человеку «правила игры». От повседневности «нельзя никуда уйти, она держит всех в плену»; считаться с ней, осмысливать ее должен каждый. Именно повседневность как базисная реальность дает то исходное осмысление «я», которое затем подтверждается, трансформируется и опровергается в иных жизненных мирах. Повседневность – пространство решения жизненных задач, то есть область, в которой я действуюю и осознаю себя действующим [11].

В XX в. человечество оказалось перед лицом многих проблем и противоречивых тенденций, ломающих институциональные структуры, нарушающих привычный порядок повседневности, изменяющих человеческое сознание. Естественный для человека способ устраивать свою жизнь, соотнося себя с окружающим пространством, идентифицируясь с субъективно наиболее значимыми его локусами, приводит к лу-

боким трансформациям внутреннего пространства субъекта.

Культура жива, если люди признают над собой власть ее «универсалий». Это также означает, что «с известных пор “культура” и “человек” – понятия соотносительные: мы люди, пока наше бытие определено культурой, но бытие культуры определено нашими духовными усилиями, и потому неправы те, кто полагают, будто культуры возникают и умирают по каким-то совершенно не зависящим от наших волей, мыслей и действий причинам» [13, с. 413]. Продолжая мысль ученого, добавим, что наша действительность на самом деле не представляет собой нечто прочное и инвариантное; ее самодостаточности противостоит текучий саморазвивающийся процесс, открывающийся в сознании субъекта. Человек создает свой контекст мира, он непосредственно включен в существующую действительность, поэтому одновременно изменяет как действительность, так и себя [10]. Единственная возможность, по мнению А. Камю, сохранить человеческое достоинство в абсурдной действительности – бунт. Однако для него бунтующий человек – это культура, сжатая до индивида, призыв найти внутри человеческого духа основания, с помощью которых можно устоять перед отчаянием.

Итак, для России начала XXI в. характерны переходный период, кризис культуры и идентичности. Под воздействием социально-экономических и политических катаклизмов у большинства россиян произошли изменения во всех сферах повседневного бытия: взаимоотношении с ближайшим и дальним окружением, самоопределении индивидов в жизненном пространстве и многом другом, что может быть определено как кризис идентичности. *Обрушение* связей между ценностями культуры и ориентациями индивидуального бытия, с точки зрения В. Н. Поруса, и есть культурная катастрофа [13, с. 426]. Распад *сущности* человека на осколки, из которых жажда жизни, ползая на коленках, пы-

тается собрать муляжи *существования* – вот подлинная причина «смерти человека», поскольку жажда жизни, освобожденная от культурных форм, является величайшей опасностью для самой жизни. Но С. С. Неретина объясняет, что сегодня мы в праве поставить вопрос не о конце жизни или смерти человека, а о конце культуры «как явления, имевшего свое начало и соответственно долженствующего иметь свой конец» [8, с. 45]. Она уверена, что сейчас, в эпоху переходности, требуется критика культурного разума – «это “складка”, которая еще топорщится, но, может быть, тут обнаружится новая мораль, основанная на свободной энергии жажды жизни, напрягающей все известные и неизвестные формы рефлексии [там же, с. 46]. В споре между различными культурными основаниями сама идея культуры не угаснет, заявляет В. Н. Порус. Он подчеркивает, что есть шанс хотя бы остановить деструктивные процессы и предлагает в сложившейся ситуации «обжить катастрофу» то есть «принять на себя ответственность за нее, отказаться от пошлой роли зевак или комментаторов» [13, с. 433].

Вступая в диалог с учеными, добавим, что тот, кто мыслит, кто задается вопросом, что на самом деле скрывается под обманчивым покровом современности в нашем странном мире, никогда не сможет почувствовать себя хотя бы относительно уютно, никогда не примет этот мир как «нормальный». Именно отсутствие сколько-нибудь определенной и целостной концепции бытия («картины мира»), повлекшее за собой интенсификацию интереса человека к самому себе, пересмотру собственных границ, возможностей, целей и смыслов существования привели в итоге среди прочего, к образованию нового типа индивиду-

альности, возникновению не существующих до этого культурных норм. Попытка искусственно создать одного-единственного субъекта культуры не удалась, поскольку, объясняют С. С. Неретина и А. П. Огурцов, в реальности он многообразен, представляет собой множество монад – от личности до этноса, «именно такой субъект и восстал против тоталитаризма и идеологичности» [9, с. 340]. Однако, убеждает Е. В. Золотухина-Аболина, к сожалению, люди никак не могут выступить в роли абсолютно свободных монад и абсолютно индивидуальных уникамов, поскольку в повседневности ориентированы на «значимых других», а значит, глубоко социальны. При этом любой субъект, не появился бы как оригинальная личность без ряда, из которого он выступает и с которым он соотносен. Он формирует свою индивидуальность, только отождествляясь с другими и «размежевываясь с ними» [6, с. 13].

На наш взгляд, всякое проявление себя как шаг к самопознанию требует воли, усилия. Воля человека влияет на выбор цели и способы ее достижения, подавление эмоций и т. д. С одной стороны, для изменения человека недостаточно только воли и стремления к совершенству, с другой, – потребность в самоидентичности настолько важна, что человек не может чувствовать себя здоровым, если не найдет возможности ее удовлетворить. Принадлежа среде, принимая решения и действуя в рамках социума, будучи ограниченной со стороны других личностей, сама по себе она противостоит всему этому, поскольку самостоятельна в выборе занятий, принятии решений. Поддерживаем С. С. Неретину и А. П. Огурцова, утверждающих, что через свободу и можно определить того нового человека, о котором грезилли многие современные философы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Барт, Р. Нулевая степень письма / Р. Барт. – Москва : Академический Проспект, 2008. – 431 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство. – 1979. – 424 с.

3. **Воронина, Н. И.** Н. П. Огарев : неисчерпаемость личности / Н. И. Воронина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 168 с.
4. **Воронина, Н. И.** Толерантность процесса идентификации / Н. И. Воронина // Гуманитарные науки и образование. – № 1 (1). – 2010. – С. 28–31.
5. **Вострякова, Ю. В.** Проблемы познания в диалоговом пространстве современной культуры / Ю. В. Вострякова // Философско-методологические проблемы науки и техники. – Самара, 1988. – С. 78–81.
6. **Золотухина-Аболина, Е. В.** Повседневность : философские загадки / Е. В. Золотухина-Аболина. – Киев : Ника-Центр, 2006. – 256 с.
7. **Марков, Б.** Знание, власть, капитал и либидо / Б. Марков // Парадигмы философствования : Вторые междунар. философ.-культурол. чтения (10–15 августа 1995, Санкт-Петербург). – Вып. 2. – Санкт-Петербург : ФКИЦ «Эйдос», 1995. – С. 133–139.
8. **Неретина, С. С.** Современность – это гностицизм? / С. С. Неретина // Философский факультет : ежегодник. – 2001. – № 2. – С. 36–47.
9. **Неретина, С. С.** Время культуры / С. С. Неретина, А. П. Огурцов. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 2000. – 344 с.
10. **Новикова, Н. Л.** Идентификация человека в координатах городского пространства / Н. Л. Новикова // «The city and Time»/«Город и время»: интернационал. науч. альманах «Life Sciences» : в 2 т. – Самара–Париж–Дюссельдорф : ООО «Самара», 2012. – Т. 2. – С. 69–75
11. **Новикова Н. Л.** Проблема сопряжения обыденной культуры и личности / Н. Л. Новикова // Многообразии культурных миров : Научная школа профессора Н. И. Ворониной. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – С. 101–114.
12. **Оже, М.** Криза сенсу в сучасному свуту / М. Оже // Фулософська у соцуологична думка. – 1995. – № 6. – С. 138–141.
13. **Порус, В. Н.** У края культуры (философские очерки) / В. Н. Порус. – Москва : «Канон+» ; РООИ «Реабилитация», 2008. – 464 с.
14. **Тхагапсоев, Х.** Идентичность как философская категория и мера социального бытия / Х. Тхагапсоев // Философские науки. – 2011. – № 1. – С. 10–25.
15. **Хайдеггер, М.** Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер. – Москва : Республика, 1993. – 447 с.
16. **Шеманов, А. Ю.** Проблема самоидентификации как предмет исследования / А. Ю. Шеманов // Постижение культуры. – Москва, 1998. – С. 177–181.
17. **Ясперс, К.** Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – Москва : Политиздат, 1991. – 527 с.
18. **Schutz, A.** The Problem of Social Reality / A. Schutz // Collected Papers. – Vol. 1. Nijhoff, The Hague. 1971. – P. 28–29.

Поступила 20.10.2014 г.

Об авторе:

Новикова Надежда Львовна, профессор кафедры философии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор философских наук, naukaink@gambler.ru

Для цитирования: Новикова, Н. Л. Понимание своего «я» в общении с другими / Н. Л. Новикова // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 216–223. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.216

REFERENCES

1. Bart R. Nulevaja stepen' pis'ma (Per. s fr.) [Zero degree of writing]. Moscow, Akademicheskij Prospekt Publ., 2008, 431 p.
2. Bakhtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva [Esthetics of written word]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, 424 p.
3. Voronina, N. I. N. P. Ogarev: neischerpaemost' lichnosti [Ogarev: inexhaustibility of personality]. Saransk, Mordovia University Press Publ., 2013, 168 p.
4. Voronina N. I. Tolerantnost' processa identifikacii [Tolerance of identification process]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* – Human Sciences and Education. 2010, no. 1, pp. 28–31.

5. Vostrjakova Ju. V. Problemy poznanija v dialogovom prostranstve sovremennoj kul'tury. Filosofsko-metodologicheskie problemy nauki i tehniki [Issues of perception in dialogue space of contemporary culture. Philosophical and methodological issues of science and technology]. Samara, 1988, pp. 78–81.

6. Zolotuhina-Abolina E. V. Povsednevnost': filosofskie zagadki [Everyday life: philosophical riddles]. Kazan, Nika-Centr Publ., 2006, 256 p.

7. Markov B. Znanie, vlast', kapital i libido. *Paradigmy filosofstvovanija: Vtorye mezhdun. filosof.-kul'turolog. chtenija* [Knowledge, power, capital and libido. // Paradigms of philosophizing: second international philosophical and culturological readings]. St Petersburg, FKIC “Jejdos” Publ., 1995, vol. 2, pp. 133–139.

8. Neretina S. S. Sovremennost' – jeto gnosticizm? [Contemporaneity is Gnosticism?]. *Filosofskij fakul'tet. Ezhegodnik* – Philosophical department. Annals. Moscow, 2001, no. 2, pp. 36–47.

9. Neretina S. S., Ogurcov A. P. Vremja kul'tury [Time of culture]. St Petersburg, RHGI Publ., 2000, 344 p.

10. Novikova N. L. Identifikacija cheloveka v koordinatah gorodskogo prostranstva // «Gorod i vremja»: internacional. nauch. al'manah “Life Sciences”: v 2 t., t. 2 [Identification of a person in coordinates of city space // “City and Time”: international academic anthology “Life Sciences” in 2 volumes, vol. 2]. Samara, Paris, Djussel'dorf, OOO Samara Publ., 2012, pp. 69–75.

11. Novikova N. L. Problema soprzazhenija obydennoj kul'tury i lichnosti // Mnogoobrazie kul'turnyh mirov: Nauchnaja shkola professora N. I. Voroninoj [Problem of interfacing of trivial culture and personality // Diversity of cultural worlds: N. I. Voronina's school of thought]. Saransk, Mordovia University Press Publ., 2011, pp. 101–114.

12. Ozhe M. Kriza sensu v suchasnomu svutu. *Filosofs'ka u sociologuchna dumka*. 1995, no. 6, pp. 138–141.

13. Porus V. N. U kraja kul'tury (filosofskie ocherki) [At the brink of culture]. Moscow, «Kanon+», ROOI «Reabilitacija» Publ., 2008, 464 p.

14. Thagapsoev H. Identichnost' kak filosofskaja kategorija i mera social'nogo bytija [Identity as philosophical category and a measure of social existence]. *Filosofskie nauki* – Philosophical Sciences, 2011, no. 1, pp. 10–25.

15. Hajdegger M. Vremja i bytie [Time and Existence]. Moscow, Respublika Publ., 1993, 447 p.

16. Shemanov A. Ju. Problema samoidentifikacii, kak predmet issledovanija // Postizhenie kul'tury [Problem of self-definition as a subject of research]. M., 1998, pp. 177–181.

17. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii [Meaning and purpose of history]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 527 p.

18. Schutz A. The Problem of Social Reality // Collected Papers. Vol. 1. Nijhoff, The Hague. 1971, pp. 28–29.

About the author:

Novikova Nadezhda L'vovna, Professor of the Chair of Philosophy, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Doktor Nauk degree holder in Philosophical Sciences, nadlnov@mail.ru

For citation: Novikova, N. L. Ponimanie svoego “ja” v obshhenii s drugimi [Person's sence of “self” and his relations to others]. *Vestnik Mordovskogo universiteta – Mordovia University Bulletin*. 2014. no. 4, pp. 216–223. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.216